

В. А. Батура

СУДЬБА УСАДЬБЫ НА МАЛОЙ НЕВКЕ

Петроградская сторона, Кировский проспект, Аптекарский остров, Карповка, Пермская, «Дзержинка»... – с детства ласкающие слух слова. Небольшой кусочек Каменноостровского проспекта от речки Карповки до Малой Невки, десять домов по нечетной стороне, еще меньше по четной, но какие это дома! Ф. И. Лидваль, В. А. Шуко, Н. Е. Лансере, М. С. Лялевич, Д. А. Крыжановский, дача А. Н. Воронихина. И конечно, сад им. Дзержинского – Лопухинка – Дача Громова, один из поэтичных уголков нашего города. Мне повезло: я родилась на Пермской улице (с 1949 года – ул. Графтио), и в этом садике прошло мое детство. До сих пор я люблю пройтись по его аллеям, очаровательным в любое время года, постоять около пруда, взглянуть на прекрасный деревянный дом, в котором я часто бывала, занимаясь в кружках Дома пионеров, – окунуться еще и еще раз в детство.

Желание узнать как можно больше об этих милых сердцу местах и определило выбор темы. Я давно стала собирать и изучать литературу о городе, всегда выделяя все, что сказано о Лопухинке. Но оказалось, что и литературы о ней немного, и сведения, весьма разночитаемые, никак не приводились к одному знаменателю. Например, во всех известных мне послевоенных книгах, где есть упоминание о Лопухинке, первым хозяином усадьбы на Малой Невке указывается Г. Г. Кушелев-Безбородко, адмирал. Однако адмирал Григорий Григорьевич Кушелев не имел к своей фамилии приставки Безбородко, и только его старший сын, граф Александр Григорьевич, двоюродный внук канцлера Александра Андреевича Безбородко, по указу Александра I от 6 апреля 1816 года принял имя и герб графов Безбородко с прозвищем Кушелев-Безбородко. Произошло это потому, что у канцлера законных детей не было, в то время как его родной брат Илья Андреевич Безбородко имел двух дочерей, а император Александр I хотел, чтобы эта фамилия навсегда осталась в русской истории. Я не буду писать о других деталях, имеющих разночтения; может быть, это все и не имеет значения, но мне всегда хотелось точно знать – *кто? когда? и как?* Сумела ли я ответить на эти вопросы? Надеюсь, хотя бы частично.

Там, где Невка разделяется на два рукава, образуя стрелку Каменного острова, начинается свое течение Малая Невка. История левого берега Малой Невки, северной части Аптекарского острова, началась вместе с историей города. Когда-то эти земли принадлежали русским, затем много-много лет невскими берегами владели шведы, и вот Петр I, отвоював исконно русские земли в ходе Северной войны, строит свою будущую столицу. Но шведы не теряют надежду вернуть эти земли – город строится и обороняется одновременно. Летом 1704 года шведские войска под командованием генерала Майделя подошли к Санкт-Петербургу. Обер-комендант города Роман Вилимович Брюс в одну ночь возвел батареи на Аптекарском острове против Каменного острова и Выборгской стороны. Шведы форсировали Большую Невку, заняли Каменный остров, построили на его берегу свои батареи, но все-таки не выдержали артиллерийского огня русских и через несколько дней отошли к реке Сестре.

Известно, что первым владельцем интересующего нас участка был адмирал Григорий Григорьевич Кушелев (1754 – 1833). Род Кушелевых существовал уже в XV веке. Г. Г. Кушелев десяти лет отроду был отправлен в Морской кадетский корпус, после окончания которого почти 30 лет состоял во флоте, получал очередные звания, награды – все шло своим чередом. С 1796 года с воцарением Павла I в карьере Кушелева начался взлет. Через 3 года он уже адмирал и граф. Один из немногих любимцев Павла, которые никогда не подвергались опале, Кушелев получил и большие земельные владения. Вероятно, в 1799 году Павел I подарил ему земли напротив своего Каменноостровского дворца, на другом берегу Малой Невки.

Герб Кушелевых имел девиз: «Единому предан». В течение царствования Павла I Григорий Григорьевич, по отзыву графа С. Р. Воронцова, принес много пользы русскому флоту, бывшему до тех пор «в непростительном нерадении».

Достоверно известно, что в 1822 году владельцем этого участка стал Петр Васильевич Лопухин. М. И. Пыляев пишет, что «дача представляла собой двухэтажное деревянное отштукатуренное с 4-колонным портиком главного фасада здание»¹. (Документальных подтверждений мною найдено не было.) Главным украшением усадьбы был парк.

Фамилия Лопухиных существовала уже с конца XV века, правда, особой родovitостью не отличалась. Но, тем не менее, именно дочь Иллариона Абрамовича Лопухина, Евдокию, выбрала царица Наталья Кирилловна в невесты Петру I. Прапрадед царицы Евдокии был родным братом Григория Лопухина, в восьмом колене которого и родился в 1753 Петр Васильевич. И хотя дворянин старинного рода Петр Васильевич Лопухин был беден и жил в провинции, но, как отмечали современники, был красив, высокого роста, пользовался успехом у женщин, имел «нрав пылкий, но сердце доброе, соображение и навык в делах»².

Фортуна была благосклонна к П. В. Лопухину. Случай представил его Екатерине II и возвысил до сенатора в Московском департаменте. Случай свел его близко и с Павлом I: если бы не дочь Петра Васильевича, красавица Анна, может быть, император и не пригласил бы его в Петербург. По приезду он был сделан генерал-прокурором, членом Государственного Совета, действительным тайным советником. Кроме того, из записок графа Ф. В. Ростопчина мы узнаем, что Лопухин еще получил «отличный дом, великолепный сервиз, имение, приносящее 200 000 дохода [вероятно, это имение Корсунь Киевской губернии. – В. Б.], княжеское достоинство с титулом Светлости и портрет Павла I – все это в течение девяти месяцев»³. В переводе с древнееврейского имя Анна означает благодать. «Благодать» – такой девиз имел и княжеский герб Лопухиных.

После смерти Петра Васильевича в 1827 году дачей в течении 22 лет владел его единственный сын Павел Петрович. Всю кампанию 1812 года Павел Петрович состоял при начальнике главного штаба армии А. Г. Ермолове и принимал участие почти во всех сражениях. «Витебск, Смоленск, Бородино, Тарутино, Малый Ярославец, Вязьма и Красный были свидетелями отваги, храбрости и разумной распорядительности князя Лопухина»⁴. Счастливый случай, который помогал его отцу, приглядывал и за сыном: будучи непосредственным участником 56 сражений и

¹ Пыляев М. И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб., 1996. С. 503.

² Русские портреты XVIII и XIX столетий. СПб., 1907. Т. 2. С. 16.

³ Русская старина. 1889. Т. 64. № 10. С. 651 – 652.

⁴ Светлейший князь Павел Петрович Лопухин : Некролог // Рус. старина. 1883. Т. 7. № 1 – 6. С. 728.

многих боев, за 29 лет службы Павел Петрович ни разу не был ранен, хотя всегда был безмерно отважен.

Судя по многочисленным публикациям, следующая дата в жизни нашей дачи – 1848 год, когда ее покупает купец Василий Федулович Громов. Эту дату повторяет и П. Н. Столпянский. Однако из «Атласа 13-ти частей Санкт-Петербурга» 1849 года, составленного Литейной части приставом исполнительных дел Николаем Ивановичем Цыловым, мы узнаем, что в 1848 году дача по-прежнему принадлежит генерал-лейтенанту Павлу Петровичу Лопухину. Можно было бы предположить, что Лопухин продал дачу, пока Н. И. Цылов собирал материал для атласа, и таким образом сведения Цылова вошли в атлас устаревшими. Но «Дело по рапорту управления первого округа путей сообщения о выделении земли из участка Лопухина к соседней даче Государственного Канцлера графа Нессельроде в Петербургской части», которое находится в Российском государственном историческом архиве⁵, говорит о том, что с 16 августа по 3 сентября 1849 года происходит отторжение части земли в размере 1260 кв. саж. от земель Лопухина общей площадью 52821 $\frac{1}{2}$ кв. саж. Таким образом, в 1849 году дача все еще принадлежит Лопухину, хотя с 1835 года он живет, в основном, в имении Корсунь.

Итак, после 1849 года хозяин усадьбы – Василий Федулович Громов. Дача Громова, построенная Егором Ивановичем Винтергальтером в 1850-х годах, сохранилась до сих пор. В этом доме нет никакой намеренной стилизации, но явно прослеживается развитие рационалистических тенденций. Это двухэтажная зимняя дача, бревенчатая, обшитая вагонкой («стихией русской архитектуры всегда было дерево»⁶), хорошей отделки, на каменном подвале.

Перед северным фасадом дома – площадка, ограниченная со стороны пруда балюстрадой из серо-розового гранита (наверное, когда-то здесь стояли вазы) и чудная кованая решетка. Сбоку – несколько каменных ступеней, ведущих на расположенную ниже площадку, где когда-то был грот. Еще один грот – в центре террасы перед домом, и попасть в него можно только со стороны пруда. Клумбы с цветами, несколько аллей, на их пересечении взгляд ищет акценты – мраморную скульптуру, фонтаны – что-то непременно удивляющее и умиротворяющее душу. Особенно красивы аллея с видом на Каменноостровский дворец, которая идет по самому берегу Малой Невки, и аллея, которая петляет вдоль пруда, повторяя его изгибы, более интимная, с маленькими пристанями для лодок.

Существует описание дачи Громова на момент 8 августа 1866 года. Именно тогда оно было сделано во время праздника, устроенного по случаю прибытия в Санкт-Петербург американского посольства, и опубликовано американской газетой *New-York-Herald*. «Дача господина Громова по своему убранству и красоте представляет нечто волшебное: растения, фонтаны, статуи – все это так великолепно, мастерски выбрано и устроено с таким вкусом и знанием <...>. Сад был освещен тысячами огней, а электрический свет, направленный на фонтаны, окрашивал брызжащие воды в самые разнообразные и чудные цвета. Картина была поразительно эффектна, как в саду, так и в доме»⁷.

⁵ РГИА. Ф. 218, оп. 3, д. 1203.

⁶ Греч А. Деревянный классицизм // Сборник Общества изучения русской усадьбы. Л., 1928. Вып. 2/3. С. 9.

⁷ Цит. по: Воспоминания о Василии Федуловиче Громове. СПб., 1870. С. 100.

Личность В. Ф. Громова совершенно необыкновенна. Родился он в Санкт-Петербурге в 1798 году в семье известного лесопромышленника Федула Григорьевича Громова. Семья была старообрядческой, и воспитание всех детей отличалось строгостью. Образование Василий Федулович получил домашнее, но, как говорили его современники, он, «вышедший из среды народа и образовавший себя до качеств вельможи, умел <...> пересоздать себя, и силою энергической самодеятельности стать в уровень по образованию с требовательным веком и обширным своим состоянием»⁸.

С ранних лет Василий был помощником отца во всех сложных операциях обширной лесной торговли. В 1829 году он женился по любви на семнадцатилетней Федосье Тарасьевне, дочери петербургского купца. Она была веры православной, и при венчании Василий Федулович тоже перешел в православие, что не вызвало разногласий в семье. Федул Громов, оставаясь до конца жизни старообрядцем, не помешал личной жизни своего старшего сына и не наказал его за перемену веры, оставив главным распорядителем всех своих дел. И Василий Федулович оправдал это доверие всей своей жизнью.

С 1834 года отец уходит от дел и начинается самостоятельная деятельность Василия Федуловича, а с 1840 года он уже во главе огромной торговой администрации; в 1845 году В. Ф. Громов становится одним из главных контрагентов по поставкам лесных материалов для строящейся железной дороги Санкт-Петербург – Москва, принимает участие в постройке через Неву постоянного Николаевского моста, в строительстве многих частных и казенных зданий.

После смерти отца Громов повел дела в еще больших размерах: приобрел несколько личных дач, построил паровые лесные заводы в Новгородской губернии, прикупил буксирные пароходы, стал вести заграничную торговлю. Торговая фирма «Громов и К^о» процветала, она включала в себя лесные биржи и лесопильный завод у Смольного, лесопильный завод за Невской заставой. Как отмечали современники, «Василий Федулович ничего не делал поверхностно и только лишь для виду или вскользь»⁹.

Особо надо отметить благотворительную деятельность семьи Громовых. Еще Федул Григорьевич в 1820 году основал на свои деньги Приют св. Сергия, а Василий Федулович всю свою жизнь содержал этот приют, все время расширяя и улучшая его. За заслуги отца перед городом Василий Федулович Громов в 1839 году получил звание почетного гражданина с правом передачи по наследству. Он принимал участие в перестройке Собора всех учебных заведений (Смольного), был одним из учредителей Александринской сыпной больницы и 15 лет состоял ее попечителем.

В 1854 году, во время Крымской кампании, когда готовились к обороне Кронштадта, Василий Федулович независимо от значительных пожертвований на военные расходы выстроил за свой счет 10 гребных канонерских лодок и столько же 4-х весельных финок на своей лесной бирже у Смольного.

Благотворительная деятельность В. Ф. Громова имела чрезвычайно широкий спектр. Он был одним из главных жертвователей на деревянную церковь Божией Матери Казанской (первой церкви Воскресенского Новодевичьего монастыря), жертвовал на устройство иконостаса в Андреевском соборе Кронштадта, на постройку кафедрального собора в Петрозаводске, на посольскую церковь в Лондоне,

⁸ Там же. С. 2 – 3.

⁹ Там же. С. 9.

в пользу православной церкви в Дрездене, в Хакодато в Японии и т. д. Практически, каждое учебное заведение Петербурга имело 2-3-х пансионеров Громова.

В ноябре 1866 года В. Ф. Громова за всю его деятельность на пользу Отечества произвели в действительные статские советники, чин редкий для купечества, так как с этим чином одновременно приобреталось и потомственное дворянство.

Была у Громова страсть, для которой он ничего не жалел: «жизнь без цветов была бы лишена лучшего своего украшения» – таково было его мнение. Кроме чудесного парка, у Василия Федуловича были прекрасные оранжереи, построенные архитектором Алексеем Максимовичем Горностаевым «в русском стиле», – это были подлинные дворцы для цветов и редких растений. Но Громов решил расширить оранжереи, и они были перестроены по проекту архитектора Е. И. Винтергальтера. Всеми работами в саду и декоративным украшением цветами внутренних помещений руководил собственный садовник Василия Федуловича – свободный художник Е. В. Одинцов, автор сквера на Исаакиевской площади. Редкие растения, которые росли в оранжереях Василия Федуловича, могли соперничать с раритетами Ботанического сада.

8 мая 1869 года в Санкт-Петербурге открылась Международная выставка садоводства. Европейские ученые и садоводы осмотрели сад и оранжереи Василия Федуловича и были восхищены тем, что увидели, хотя парк предстал не во всей своей красе, поскольку весна в тот год была холодная и в мае все еще было мертво и голо. Эта весна оказалась несчастливой для Громова. В апреле он отправился за границу, 30 апреля вернулся. По возвращении заболел, 6 июня слег в постель, а 12 июня на 72 году от рождения отдал душу свою Богу. Похоронен Василий Федулович Громов на кладбище Воскресенского Новодевичьего монастыря.

После смерти Василия Федуловича дача на берегу Малой Невки перешла его младшему брату – коллежскому советнику Илье Федуловичу Громову, который, встав во главе торговой фирмы «Громов и К^о», продолжил благотворительную деятельность семьи. Леонтий Николаевич Бенуа вспоминает, что когда ему поручили соорудить небольшую деревянную часовенку на набережной Екатерининского канала, где 1 марта 1881 года бомбой террориста из «Народной воли» И. Н. Гриневицкого был смертельно ранен император Александр II, расходы на постройку принял на себя Илья Федулович Громов¹⁰. Скончался И. Ф. Громов в 1882 году и похоронен был, так же как и брат, на кладбище Воскресенского Новодевичьего монастыря.

На короткий период владельцем усадьбы становится некто Борисовский, затем с 1889 по 1897 год – жена генерал-майора Анна Ивановна Евреинова, известная своей благотворительной деятельностью.

В 1898 году владельцем дачи и участка, практически не изменившего свои размеры, становится Федор Александрович Алферов. Ф. А. Алферов был потомственным почетным купцом первой гильдии, банкиром. Его конторы находились в престижном месте – в самом центре города, рядом с Ассигнационным банком на Банковской линии, 35 и на Невском проспекте, 19. Алферов был не чужд и общественной деятельности: гласный Санкт-Петербургской Думы, член комиссии по благоустройству Общества попечительства о бедных при Мариинской и Александровской женских больницах. Кроме громовской усадьбы, ему принадлежал дом на Семеновском плацу.

¹⁰ Невский архив. М.; СПб., 1993. С. 24.

Как только Алферов получил огромный участок Анны Ивановны Евреиновой, он обратился в Городскую управу, а та в свою очередь – в Думу, с проектом разделения обширного владения на 52 участка для распродажи их частным лицам.

После выполнения этого плана были проложены четыре новые улицы для рационального использования 52 участков: от Каменноостровского проспекта параллельно Песочной улице – Вологодская и Пермская, а перпендикулярно к ним, поперек участка Алферова – Вятская и Уфимская.

Пришел 1917 год, многое переменяв в нашей стране; изменилась и жизнь усадьбы. Не удалось найти документальных свидетельств того, что стало с последним хозяином дачи Алферовым, что было на даче с 1917 до 1926 года. Известно, что в 1926 году это уже сад им. Ф. Э. Дзержинского с катком и лодочной станцией. В 1933 году пользователем строения являлся Союз работников государственных учреждений финансовых банков (наверное, в память о последнем хозяине), причем в даче размещался клуб этого союза. На территории сада существовали летний театр, беседка, мосты.

В 1930 году в саду был установлен памятник Дзержинскому работы скульптура А. В. Крыжановской, простоявший до 1993 года. Со слов работников Мемориального музея-кабинета Ф. Э. Дзержинского, этот памятник по инициативе Института железнодорожного транспорта, один из корпусов которого находился в самом начале Каменноостровского проспекта, был поставлен Феликсу Эдмундовичу как Наркому путей сообщения. Но, очевидно, в памяти народной осталась совсем другая грань его обширной деятельности, и памятник привел к созданию очередного печального петербургского мифа: до сих пор местные старожилы уверяют, что «на бывшей дачи Громова в 30-е годы было ГПУ».

В феврале 1939 года Вологодскую улицу переименовали в улицу Чапыгина – в память о советском писателе Алексее Павловиче Чапыгине. 20 мая 1949 года переименовали Пермскую улицу: в память ученого, инженера-электрика, участника составления плана ГОЭРЛО, руководителя строительства Волховской и Нижнесвирской ГЭС Генриха Осиповича Графтио улица стала носить его имя. Улицы Уфимская и Вятская были упразднены, вошли в застройку улиц Чапыгина, Графтио и академика Павлова.

С 1938 года в перестроенном здании бывшей оранжереи расположился Опытный Ленинградский телецентр, созданный при Комитете по радиосообщениям и радиовещанию. В июле того же года была передана в эфир первая телевизионная программа, а с октября началось регулярное телевидение. В годы Великой Отечественной войны ленинградское телевидение не работало, а с сентября 1948 года регулярное телевидение было возобновлено. В 1961 году ввели в строй первую очередь нового телецентра – ул. Чапыгина, 6 – все также на территории бывшей мызы Кушелева-Лопухина-Громова. Организация в здании бывшей оранжереи ныне называется Государственное предприятие радиовещания и радиосвязи № 2.

С 1940 года в здании дачи расположился Дом пионеров и школьников Петроградского района и находился в этом доме около 30 лет. Затем все здание перешло к Союзкоопвнешторгу и здесь расположилась Экспортно-импортная контора. С 5 июня 1975 года в здании вместе с упомянутой конторой сосуществует технологический отдел ЛенЗНИИЭП¹¹. Сейчас, в связи с усложнившейся жизнью, часть помещений сдается в субаренду.

¹¹ Ленинградский зональный научно-исследовательский институт типового и экспериментального проектирования жилых и общественных зданий.

На сегодняшний день интерьеры дачи сохранились только частично, ее внешний вид настойчиво напоминает о необходимости ремонта. Осенью 1996 года была закончена реставрация сада. И последнее знаменательное событие: саду вернули его старое название – Лопухинский сад.

Мне очень хотелось создать полную картину жизни дачи за 200 лет, однако пробелы еще существуют, остаются открытыми некоторые вопросы. Так например, в 1806 – 1822 годах, когда Г. Г. Кушелев перестал владеть усадьбой на Малой Невке, передал ли он ее непосредственно П. В. Лопухину или у нее был еще какой-то хозяин? Кто владел усадьбой с 1884 по 1888 год? Что происходило с 1918 до 1926 года?

Летом 1996 года независимая научно-исследовательская группа «Музей милосердия» при поддержке целого ряда организаций начала программу «300-летию Петербурга – 300 памятных досок». И мне очень приятно, что первым был отмечен выдающийся благотворитель, меценат, промышленник, купец и мой герой – Василий Федулович Громов. Мемориальная доска была открыта на доме № 22 по набережной Фонтанки. На этом месте до Великой Отечественной войны стоял особняк, где проживал В. Ф. Громов. И хочется вспомнить слова, сказанные на открытии мемориальной доски: «Есть целый ряд лиц в русской истории, казалось бы, совершенно забытых. Но без них никак не может обойтись национальная история, ибо они в свое время внесли огромный вклад в жизнь своей эпохи, делая незаметное, но значительное по своей важности дело».